

Литературныя новости.

(М. Горькій. Жизнь ненужнаго человека. Сборникъ т-ва „Знаніе“ XXIV).

Въ сборникъ т-ва „Знаніе“ появилось начало новаго произведенія М. Горькаго: „Жизнь ненужнаго человека“. Произведеніе это раньше было напечатано за границей и содержаніе его пересказывалось въ нашей печати. Разумѣется, это не уменьшаетъ интереса его, тѣмъ болѣе, что, вмѣстѣ съ „Исповѣдью“, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что талантъ Горькаго отнюдь не ослабѣлъ, какъ это утверждали въ послѣднее время.

Можно сказать даже больше: талантъ Горькаго не только не ослабѣлъ, но напротивъ—развился, окрѣпъ, выровнялся. Измѣнилось только отношеніе къ нему читателей. Прежде и болѣе слабыя его вещи производили на читателей болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ теперь болѣе совершенныя, свидѣтельствующія о болѣе зрѣлости таланта.

„Жизнь ненужнаго человека“ гораздо болѣе выдержанно написана, чѣмъ, напр., „Ома Гордѣевъ“ или даже „Трое“. По сюжету своему, она напоминаетъ отчасти послѣднее произведеніе, изображая низины жизни съ той силой, какая приеуща Горькому. Сила изобразительности его отнюдь не уменьшилась, и глубину человеческого паденія онъ рисуетъ такъ мастерски, какъ никто другой въ нашей литературѣ.

Въ новомъ произведеніи его изображается міръ сыщиковъ, на фонѣ котораго проходитъ жизнь „ненужнаго человека“, бросаемаго случайностями изъ стороны въ сторону, влекомаго по теченію. Въ той части произведенія, которая появилась въ сборникъ т-ва „Знаніе“, идея еще не достаточно ясна, а обращаетъ, главнымъ образомъ, на себя вниманіе изображеніе среды и лицъ, того человеческого мусора, который скопляется на задворкахъ общественной жизни, который для порядочныхъ людей невидимъ, но присутствіе котораго ощущается по тлетворному запаху.

О средѣ, изображаемой Горькимъ, можно сказать, что она живетъ „въ безпросвѣтной, глубокой ночи, безъ понятія о правѣ и Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“. Всѣ эти „ловцы человекъ“ живутъ животной жизнью, сливаясь съ проститутками и ворами, руководимые лишь стремленіемъ получать деньги. Очень удался автору сыщикъ Матвѣй Матвѣевичъ, хозяинъ книжной лавки. Онъ возбуждаетъ такое же отвращеніе, какъ какой-либо Уривъ Гипъ въ повѣсти Диккенса. Кстати отмѣтимъ, что вліяніе Диккенса чувствуется въ этомъ произведеніи Горькаго, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ его произведеніяхъ. Когда-то, еще въ дни первой молодости, онъ написалъ романъ, печатавшійся въ то время въ *Волгарь*: „Горемыка Павелъ“, въ которомъ многое было прямымъ подражаніемъ Диккенсу.

Хорошо также нарисована Раиса, таперша публичнаго дома, сожительница Мавья Матвѣича, а потомъ другаго сыщика Доримедонта. Это существо безвольное, вѣчно пьяное, глубоко развращенное водкой и распутной жизнью. Она, по натурѣ даже добрая, слабая, страшна полнымъ отсутствіемъ нравственности. У нея въ прошломъ какое-то отравленіе, а въ повѣсти она душитъ больнаго Мавья Матвѣевича въ соучастіи съ сыщикомъ Доримедонтомъ. Душитъ и тотчасъ же поступаетъ во владѣніе Доримедонта, такъ какъ самостоятельно она жить не можетъ. И тутъ же, у едва остывшаго трупа они предаются разврату. Сцена эта написана съ страшной простотой, извращенность изображена такъ сильно, что кажется естественной.

Жизнь „ненужнаго человека“ показываетъ, какъ формируются эти люди. Онъ съ дѣтства брошенъ въ эту ужасную среду, чуждую всякой нравственности и жалости, что, конечно, оставляетъ страшные слѣды на его душѣ. „Вокругъ никто никого не жалѣлъ, и Евсею тоже не было жалко людей, ему стало казаться, что всѣ они притворяются, даже, когда избиты, плачутъ и стонутъ“. Но онъ еще противится этому вліянію, потому что у него было болѣе чистое раннее дѣтство, потому что въ душѣ у него есть что-то хорошее, а какой-либо мальчикъ Зарубинъ въ той же средѣ, у котораго „мать распутная“, сразу входитъ во вкусъ окружающей его жизни. Впрочемъ, и въ этой средѣ встрѣчаются люди сравнительно недурные, хотя рѣдко, какъ Дудка (фигура совершенно диккенсовская), котораго, впрочемъ, всѣ считают сумасшедшимъ.

Повторяемъ, повѣсть Горькаго еще не окончена и судить о цѣломъ пока не будемъ. Та же часть, которая напечатана написана хорошо, живо, мѣстами глубоко и читается съ захватывающимъ интересомъ. Когда она будетъ окончена, мы, вѣроятно, еще вернемся къ ней.

Читатель.